

20. Пруцков Н.И. Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы. Л.: Наука, 1974. – 204 с.
21. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
22. Фейербах Л. Сущность христианства. М.: Мысль, 1965. – 414 с.
23. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности // Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000, с. 452–616.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ О ДОСТОЕВСКОМ: ВЯЧ. И. ИВАНОВ И В. Л. КОМАРОВИЧ*

О. А. Богданова

док. филол. наук, старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
(Москва, Поварская ул., 25 а, Российская Федерация), olgabogda@yandex.ru

Аннотация. Краткий обзор и анализ работ В.И. Иванова о Ф.М. Достоевском в 1900–1910-е гг. позволяет сделать вывод о его «переходном» положении в развитии начального этапа «достоевсковедения»: от сугубо религиозно-философского дискурса (Д.С. Мережковский, А.Л. Волынский, Волжский <А.С. Глинка> и др.) до художественно-эстетического (Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович, М.М. Бахтин и др.), — обусловленного знакомством поэта-философа с идеями неокантианства. Основное внимание в статье уделено преемству «пневматологического» метода Комаровича от «синтетического» метода Иванова.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; В.И. Иванов; В.Л. Комарович; достоевсковедение; религиозная философия; неокантианство.

FROM THE HISTORY OF DOSTOYEVSKY STUDIES: VYACH. I. IVANOV AND V. L. KOMAROVICH

Olga A. Bogdanova

Doctor of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature
Russian Academy of Science (Povarskaya St., 25 a, Moscow, Russian Federation)
olgabogda@yandex.ru

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Abstract. A brief review and analysis of V. I. Ivanov's works of 1900–1910 devoted to F. M. Dostoevsky allows to speak about his «transitional» position in the development of the initial stage of Dostoevsky studies: from a purely religious and philosophical discourse (D. S. Merezhkovsky, A. L. Volynsky, Volzhsky <A. S. Glinka>, etc.) to aesthetic one (B. M. Engelgardt, V. L. Komarovich, M. M. Bakhtin, etc.) caused by the poet-philosopher's acquaintance with the ideas of Neo-Kantianism. The emphasis is laid on the succession of Komarovich's «pneumatological» method to Ivanov's «synthetic» method.

Keywords: F. M. Dostoevsky, V. I. Ivanov, V. L. Komarovich, Dostoevsky studies, religious philosophy, Neo-Kantianism.

Для уяснения роли Вяч. И. Иванова в развитии достоевсковедческой мысли первой трети XX века сделаем краткий обзор написанного им о Достоевском в 1900–1910-е гг. Поэт-философ полностью или частично посвятил любимому писателю ряд текстов, давно отмеченных исследователями¹: «Идея неприятия мира» (1906), «О русской идее» (1909), «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1911), «Экскурс: основной миф в романе "Бесы"» (1914), «Живое предание» (1915), «Два лада русской души» (1916), «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917). При этом надо иметь в виду, что ряд положений Иванова уже были высказаны до него И. Ф. Анненским, А. Л. Волынским, Д. С. Мережковским и др., на что он нередко ссылался сам. Иванов развил и видоизменил их мысли в соответствии со своим видением Достоевского. Итак, основные черты ивановского подхода в названных статьях следующие².

Во-первых, творчество Достоевского рассматривалось Ивановым в широчайшем историко-культурном контексте, охватывавшем античность, Средневековье и новоевропейскую эпоху. Во-вторых, утверждалось национально-русское своеобразие писателя, связанное с православными, восточно-христианскими традициями русской культуры. В-третьих, была отмечена всеобъемлющая роль человеческой личности в романном мире Достоевского, обусловившая такие черты его произведений, как подлинный диалогизм (реализация принципа «Ты еси») и «соборность» (как «полифонический хор» онтологически равноправных героев-личностей). О полифонии (многоголосии) как об аналоге хоровой соборности в противовес «индивидуальному монологу» Иванов писал еще в 1908 г. в работе «Две стихии в современном символизме»: «В полифоническом хоре каждый участник индивидуален и как бы субъективен. Но гармоническое восстановление строя созвучий в полной мере утверждает объ-

ективную целесообразность кажущегося разногласия. Все хоровое и полифоническое, оркестр и церковный орган служат формально ограждением музыкального объективизма и реализма против вторжения сил субъективного лирического произвола <...> соборным авторитетом созвучно поддержанного голосами или орудиями общего одушевления» [5; 149]. В-четвертых, Иванов много внимания уделил выявлению творческого метода Достоевского, которому дал определение «мистический реализм» (или «реалистический символизм»), восходящее к самоопределению Достоевского «реализм в высшем смысле». В-пятых, несколько страниц своей работы «Достоевский и роман-трагедия» поэт-философ посвятил исследованию жанрового своеобразия созданного Достоевским типа романа. Понимая эволюцию жанровых форм как путь от эпоса к драме, Иванов увидел в частях «великого пятикнижия» преодоление свойственного роману «индивидуализма» и последний шаг навстречу «соборному» единству «народного духа» в «царице-Трагедии», высшей, по его мнению, форме человеческого творчества. Так появилась, применительно к произведениям Достоевского, знаменитая дефиниция «романа-трагедии». Многие ивановские находки, щедро рассыпанные по его статьям, не получили у него дальнейшего развития: например, мысль о единстве творчества Достоевского (внутренней взаимосвязи всех его последовательных произведений), о конституирующей роли идеи в композиции его романов (породившей вскользь брошенное определение «романа-теоремы»), о «великолепно выразительном и адекватном предмету языке» [6; 292] великого романиста, о его уникальном даре «живописать сверхличную радость и сверхличный восторг» [6; 304], о его авторской стратегии мистического «проникновения» в суть явлений в противовес их рассудочному «познанию», о катастрофизме и преступлении, о «новом русском типе» в лице Алеши Карамазова и т.д. Не менее плодотворными оказались восходящие к Ф. Ницше рассуждения Иванова о музыкальном субстрате творчества Достоевского. Помимо этого, «герои Достоевского, рассматриваемые Ивановым в неомифологическом ракурсе, получ<или> значение универсальных, общечеловеческих типов сознания — своеобразных культурных лейтмотивов любой эпохи» [4; 133]. Неудивительно, что Иванов назвал их «лицами-символами». Встречаем у него и глубокое обоснование мистики «земли» как обетованной «святой Руси» в ее отличии от оккупированного бесами «мира сего». Наконец, поэту-философу принадлежит определение духовного типа личности самого Достоевского — как экстатического художника, верного «духу Диониса», чье внешнее развитие обусловлено внезапными открытиями «катастрофического внутреннего опыта» [6; 297]. В связи

с этим становится понятной многократно повторенная Ивановым мысль о «неразгаданности» [6; 282], непонятости Достоевского, «целостное узрение» которого «отметит новый возраст нашей духовной жизни» [9; 339]. Причем до сих пор непонятое, «а порой и смрадно поносимое» [7; 350] в Достоевском — это не «скитальцы»-западники, но именно неизвестные Западу русские типы, в первую очередь Алеша Карамазов — «символический собирательный тип, который напрасно считают невыясненным и о котором стоит в другой раз повести беседу, — тип людей нового русского сознания, напроороченный Достоевским и им порожденный. И потому если определять представителей того умонастроения, которое продиктовало эти строки, то назвать бы — ”алёшинцами“!» [7; 352]

Приведенные из статей «Достоевский и роман-трагедия», «Религиозное дело Владимира Соловьева» и «Живое предание» слова Иванова звучали как призыв к дальнейшим действиям, особенно потому, что сам поэт-философ так и не вернулся ко многим заявленным темам. Однако выдвинутый им на первое место при анализе Достоевского-романиста «принцип формы» по отношению к «принципу миросозерцания» стал маяком для новых исследователей творчества писателя.

Зарождавшиеся в университетской гуманитарной среде конца 1910-х гг. научные подходы к творчеству Достоевского отличались от сугубо религиозно-философских исследований (как, впрочем, и от предшествующей академической науки), в первую очередь, обращением к поэтике, к художественным особенностям его произведений как главному объекту рассмотрения. Именно поэтика становилась ключом к своеобразию Достоевского-мыслителя. Другими словами, если религиозно философствующие символисты основное внимание уделяли мировоззрению Достоевского, содержанию его произведений, то новое поколение исследователей — его художественно-эстетическим принципам, форме его произведений. Это объединяло всю литературоведческую молодежь рубежа 1910–1920-х гг.: М. М. Бахтина, В. Л. Комаровича, Б. М. Энгельгардта, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, Л. П. Гроссмана, М. П. Алексеева и др. Недаром, несмотря на критику ряда положений исследователей-ровесников — Комаровича и Энгельгардта, — Бахтин в 1929 г. все же признавал свою общность с ними в попытке «воспринять художественные особенности... новой романной структуры» [1; 12] Достоевского.

Конечно, в работах И. Ф. Чанненского, А. Л. Волынского, Д. С. Мережковского, Волжского <А. С. Глинка> уже в 1900-е гг. появились довольно многочисленные и глубокие наблюдения над художественными особенностями произведений Достоевского (структурой его

романов, приемами символизации художественных образов, особенностями речевого стиля), однако в них отсутствовала системность, они оставались все же побочным продуктом философско-мировоззренческих размышлений названных авторов над страницами создателя «великого пятикнижия». Один Иванов в 1911 г. особо выделил «принцип формы», поместив его по важности перед «принципом миросозерцания», и сделал попытку системного рассмотрения жанрового своеобразия романа Достоевского [6; 282–311].

Можно сказать, что в процессе освоения наследия Достоевского переход от, условно говоря, Вольнского, Мережковского и Волжского <А. С. Глинки> к Бахтину, Энгельгардту и Комаровичу происходил посредством некоего связующего звена между сугубо религиозно-философской интерпретацией писателя и последующей методологией, обусловленной неокантианской «прививкой»³. Таким «мостом», таким связующим звеном и стали, на наш взгляд, исследования Иванова. Отношение последнего к неокантианству неоднозначно. С одной стороны, вместе со своим другом и единомышленником В. Ф. Эрном в 1910-е гг. он занял критическую позицию по отношению к неокантианскому ежегоднику «Логос». С другой — обнаруживал близкое знакомство с идеями Г. Риккерта, которые, по-видимому, учитывал в своих собственных построениях, — например, в стремлении обозначить методологическую специфику подхода к художественным произведениям, характерную для «наук о культуре» (анализ жанровой эволюции романа, его композиции, структуры и т. п.).

Комарович открыто признавал себя непосредственным продолжателем Иванова, который ценен для него прежде всего тем, что впервые осуществил синтез различных приемов историко-литературного исследования: религиозно-философского, биографического и формально-эстетического — в работе «Достоевский и роман-трагедия». В брошюре «Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л., 1925), дав очерк истории достоевствоведения в России, наиболее перспективным Комарович признал универсальный подход Иванова, соединивший «принцип миросозерцания» с «принципом формы», что стимулировало изучение поэтики писателя в 1920-е гг.

Симптоматично, что Комарович выделил Иванова на общем фоне религиозно-философской литературы о Достоевском первых двух десятилетий XX века: в его работах «впервые после больших монографий Д. С. Мережковского, А. Л. Вольнского, В. Розанова, Л. Шестова, — обнаружилось нечто существенно новое в формулировке и разрешении историко-литературных задач применительно к Достоевскому» [11; 4]. Хотя «по своей основной задаче» статья

Иванова «Достоевский и роман-трагедия» «должна быть поставлена в один ряд с вышеуказанными исследованиями», «подход к разрешению задачи здесь иной, и в этом — главное достоинство очерка. Мироззрение Достоевского, как задача исследователя, предстоит ему здесь не в качестве беглого отчета о впечатлениях от отдельных страниц прочитанного романа, но как стройная и строгая дедукция идей и понятий мирозерцания из основного начала, из "принципа мирозерцания". Идеология Достоевского ищется не в капризных и не всегда соподчиненных друг другу впечатлениях критика, но в диалектике ее собственных положений; и чтобы найти верховное начало мирозерцания, этот его "принцип", из которого развернется потом сама собой вся полнота верований Достоевского, В. Иванов вступает на совершенно новый, до него никем не испытанный еще путь: не от собственных догм отвлекает он "принцип мирозерцания" Достоевского, но ищет и как бы нащупывает его в предварительном анализе структурных признаков романа: "Принципу мирозерцания" (вторая глава исследования) предпослан "принцип формы" (первая глава), анализу идеологии предшествует анализ композиции» [11; 7].

Вслед за Ивановым Комарович писал о «символизме» Достоевского и выделял у него ключевые символы («живая жизнь», «мечтательство», «подполье» и др.), «трагическая коллизия» которых и порождала, по его мнению, «роман-трагедию» в понимании Иванова. В неопубликованных лекциях о Достоевском Комарович говорил о том, что эта жанровая форма, впитав, помимо «психологической и фабулярной», «идеологическую» мотивировку «катастрофы», эволюционировала, начиная с «Преступления и наказания», в «роман-теорему», в котором философские проблемы «актуально решаются», однако не в рациональной, а в религиозно-волевой сфере⁴. Так, единожды употребленная Ивановым в работе «Достоевский и роман-трагедия» дефиниция «роман-теорема» была подхвачена Комаровичем и наполнена новым смысловым содержанием.

Под воздействием идей датского эстетика-неокантианца Б. Христиансена⁵, с одной стороны, и прозрений религиозно философствующего символиста Иванова — с другой, Комарович существенно раньше Бахтина выдвинул концепцию романной формы Достоевского как «полифонической»: «Телеологическое соподчинение прагматически разъединенных элементов (сюжетов) является... началом художественного единства романа Достоевского. И в этом смысле он может быть уподоблен художественному целому в полифонической музыке: пять голосов фуги, последовательно вступающих и развивающихся в контрапунктическом созвучии, напоминают «голосоведение» романа Достоевского» [13; 67]. Однако, в отличие от Бахтина,

полифония у него не диалог «живых образов идей» персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных волей, разными путями вливающих (или не вливающих) в «сверхэмпирическое» единство. «Сверхэмпирической» целью для него, как и для Иванова, являлась не автономная «метафизическая глубина» самого человека, а воссоединение личности с Богом.

Еще в 1923 г., заканчивая изучение рукописей и переписки Достоевского в Пушкинском Доме, Комарович наметил для себя план «историко-литературных обобщений»: проследить развитие и выявить сущность религиозно-философских взглядов писателя, исследовать большие романы Достоевского в свете русских литературных направлений XIX в. и обозначить в них западные литературные влияния. «Этими различными задачами, — некоторые из них уже осуществлены, — предусматривается одно исследование о Достоевском, которое было бы одновременно и очерком биографическим, и очерком по истории религиозно-философских воззрений, и очерком художественной формы Достоевского»⁶. Таким образом, отчетливо видно, что молодой ученый поставил перед собой задачу синтеза неокантианской методологии Христиансена и религиозно-философского подхода Иванова. При этом «очерк В. Иванова кажется [ему] смелым наброском плана какой-то грандиозной постройки, где предусмотрены не только пропорции частей, но и гармония целого. Здесь собраны и как бы связаны в один узел все проблемы дальнейших работ о Достоевском, причем три основных метода, применяемых при изучении Достоевского, — философский, биографический и, скажем, "формальный", — друг другу внутренне соподчинены...» [11; 10]

Комарович унаследовал, с одной стороны, славянофильские симпатии Иванова, с другой — его европейский универсализм. О первом свидетельствуют как воспоминания Д. С. Лихачёва⁷, так и факт увлечённости Комаровича русским фольклором и историей древнерусской литературы; о втором — его многочисленные исследования о связях творчества Достоевского с Г. Гейне, Ж. Санд, О. де Бальзаком, Э. Сю, Ж. Жаненом, В. Скоттом, В. Гюго, Ж.-Ж. Руссо, французскими утопическими социалистами (Э. Кабе, П. Леру, Ф. Р. Ламенне) и др.

Неокантианская тенденция проявилась у Комаровича также в стремлении исследовать уникальные особенности единичных в своем роде шедевров — с помощью провозглашенного в 1923 г. Пиксановым «нового пути литературной науки», телеогенетического метода, суть которого — в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукописным и печатным редакциям исходя из «целесообразности» всех художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. На его основе Комарович

разработал метод изучения конкретного шедевра «с точки зрения его индивидуального генезиса» [11; 52], в последовательной смене рукописных и печатных вариантов.

По его мнению, «тот синтез историко-литературных методов, который предуказан исследованиями Вяч. Иванова.., может как будто осуществиться при помощи текстологических разысканий» [11; 58]. Этим Комарович руководствовался «в своем исследовании литературной судьбы одного из наиболее сложных замыслов Достоевского (поэма "Житие великого грешника"). Отдельные главы напечатаны в виде самостоятельных статей: "Ненаписанная поэма Достоевского" [12; 177–207].., «Генезис романа "Подросток"» [10; 366–386].., «Роман "Подросток", как художественное единство» [13; 31–68]... Рукописный конспект "Житие великого грешника", затем черновые рукописи романа "Подросток", и, наконец, законченный текст этого романа при сопоставлении оказываются тремя фазисами единого генетического процесса: замысел "Жития" и первоначальный замысел "Подростка" совпадают. Идеологические постулаты исходного замысла обнаруживаются в конспекте 1869–70 гг. ("Жития"). Усматривая за идеологией Достоевского соответствующий духовный опыт, привлекая поэтому к исследованию биографический материал, приходим к известным выводам о типических признаках его личности; тем самым исходный замысел исследован в качестве события духовной жизни художника. Дальнейшие моменты генезиса (их восстанавливаем гипотетически, не имея пока всех рукописей "Подростка") обнаруживают последовательную формацию нескольких сюжетных групп и перемещение основного идеологического задания с одной на другую; соответственно этому меняется и основное формальное задание ("поэма", "житие" разрывается на "анекдоты")» [11; 58–59]. Таким образом, молодой исследователь продолжил «синтетическую» тенденцию Иванова, дополнив ее новым — текстологическим — компонентом. Более того, найденный текстологический — телеогенетический — метод стал необходимым условием *осуществления* только лишь заявленного Ивановым синтеза. Осуществления, которое реализовал в своих работах Комарович.

Однако едва ли не в большей степени определяют творческое лицо молодого учёного идущие от Иванова мировоззренческие токи. Так, под явным влиянием ивановских статей «Достоевский и роман-трагедия» и «Два лада русской души» Комарович, в статье «Ненаписанная поэма Достоевского» (1922), построил свою «схему» внутренней жизни писателя. Выявив несколько «духовных перерождений» на протяжении жизни Достоевского, он посчитал их бессознательными «волевыми актами», независимыми от интеллектуальной работы;

духовная жизнь Достоевского лишена поступательной непрерывности — «экстатический» художник, подверженный мгновенным мистическим озарениям, спустя время осмысляет и приспособливает их к условиям земной реальности. Здесь — исток «пневматологического» метода Комаровича: поэтика, психология и идеология писателя определяются типом его «духовной организации», ритмом его духовной жизни. Однако, в отличие от Иванова, отметившего однократность внутреннего перерождения Достоевского (на эшафоте) [6; 296-297], Комарович насчитал целую цепь таких мгновенных «озарений»: видение на Неве в 1840-х гг., на эшафоте, в Дрездене в 1867 г. и т. д. Как видим, снова брошенная вскользь мысль Иванова усложнилась и видоизменилась в его писаниях.

В статьях Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского», «"Мировая гармония" Достоевского» (1924), «Роман Достоевского "Подросток" как художественное единство» (1924), «Юность Достоевского» (1924) и др. заметны следы эстетических идей Ницше, в ряде случаев восходящих к Шопенгауэру: «аполлоническое» (созерцательно-разумное) и «дионисийское» (связанное с катастрофической мистикой «мировой воли») искусство, возможность «оправдания мира» лишь в «аполлоновской» эстетической созерцательности. Осмысляя Достоевского в названных категориях, Комарович говорил о духовном «дионисизме» писателя вслед за Ивановым, испытавшим те же влияния.

К Шопенгауэру и Ницше, а за ними к Иванову, восходит и мнение Комаровича о музыке как высшем из искусств, непосредственно выражающем «мировую волю», или, по Иванову и Комаровичу, волю к «сверхличному»: «Только музыка (иногда лирика) знает полное господство беспредметной активности. Поэтому только это искусство обладает чародейной силой реально приобщать нас тому миру свободы, который, вне музыкального обаяния, лишь смутно угадывается нами» [13; 50].

Пока не осмыслен значимый, на наш взгляд, факт соседства немецкоязычных книг обоих русских исследователей Достоевского в составленной Х.-Ю. Геригком хронологии важнейших литературоведческих работ о писателе в межвоенной Германии 1920–1930-х гг. [14; 95–126]. Это, во-первых, один из томов знаменитой серии «Наследие Достоевского», вышедшей в мюнхенском издательстве Р. Пипера с 1925 по 1931 гг., а именно — «Ф. М. Достоевский. Первообраз "Братьев Карамазовых": источники, планы и фрагменты Достоевского. Комментарий В. Комаровича» (1928)⁸, где рукописям «Братьев Карамазовых» предпослано объемное историко-литературное исследование этого романа [2; 72-77]. А во-вторых — не менее из-

вестная книга Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932)⁹. По мнению Геригка, именно Иванов и Комарович, наряду с Ю. Мейер-Грефе¹⁰, стоят у истоков немецкого достоевсковедения. Интересно, что русских оригиналов названных книг обоих авторов не сохранилось, тем не менее это их *главные* книги о Достоевском.

Еще один момент преемства Комаровича Иванову касается «текста жизни», творчества судьбы, экзистенциальных ценностей. Современники отмечали сходство внешнего облика Комаровича с Алёшей Карамазовым¹¹; эту ассоциацию подтверждает и фотопортрет учёного 1930-х гг.: мягкие правильные черты лица, открытый ласковый и в то же время твёрдый взгляд, в котором — глубина и сила, волевой, но не упрямый подбородок, чёткая линия губ, способных произносить слова истины и любви. Это как будто тот «твёрдый на всю жизнь боец» за дело Христово, каким встал Алёша Карамазов с земли в ночь после смерти старца Зосимы [З; 328]. О духовной красоте и бескомпромиссности Комаровича, о его нежелании скрывать свою веру и воцерковлённость даже в самые жестокие годы советского атеистического разгула свидетельствовал Д. С. Лихачёв. Расплачивался за это учёный жизненной и бытовой неустроенностью: отсутствием постоянного места работы, материальной необеспеченностью, трудностью с публикациями (ему так и не удалось издать задуманной книги о Достоевском), семейными неурядицами и, в конце концов, мучительной смертью от блокадного голода в 1942 г., во многом из-за отсутствия трудовых продовольственных карточек. Активнейший участник религиозно-философского общества «Братство преподобного Серафима Саровского», научно-просветительных кружков «Хельфернак» и «Космическая академия наук», в 1928 г. Комарович подвергся аресту и ссылке.

Вспомним, что впервые на Алёшу Карамазова как на «тип людей нового русского сознания, напророченный Достоевским и им порождённый», людей, хранивших «иночество в миру» и стремившихся, несмотря ни на что, к установлению «истинной религиозной общественности» [8; 320–324, 352] (т. е. христианской соборности) в России, указал в статьях «Живое предание» (1915) и «Лик и личины России» (1917) Иванов, назвав «алёшинцем» и самого себя. По-видимому, из «алёшинцев» был и несомненно знавший эти слова Иванова Комарович.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 244 с.
Богданова О. А. «Братья Карамазовы» в Германии: В. Л. Комарович и

З. Фрейд о последнем романе Ф. М. Достоевского // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 72–77.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 14. 512 с.

Дудек, Анджей. Герои Достоевского в интерпретации Вяч. Иванова и Д. С. Мережковского // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. М.: Водолей, 2013. С. 132–146.

Иванов В. И. Две стихии в современном символизме // *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 143–169.

Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–311.

Иванов В. И. Живое предание // *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 346–352.

Иванов В. И. Лик и личины России. К исследованию идеологии 1. Достоевского // *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 312–336.

Иванов В. И. Религиозное дело Владимира Соловьёва // *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 337–345.

Комарович В. Л. Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль: альманах. Вып. 3. Л.: 1925. С. 366–386.

Комарович В. Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925. 64 с.

Комарович В. Л. Ненаписанная поэма Достоевского // *Ф. М. Достоевский.* Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. [Сб. 1]. Пб.: 1922. С. 177–207.

Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // *Ф. М. Достоевский.* Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л.: М.: Мысль, 1924. С. 31–68.

Gerigk H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. D. Dahlmann, W. Potthoff. Wiesbaden. 2004. S. 95–126.

¹ См.: *Фридлендер Г. М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 133; *Келдыш В. А.* Вячеслав Иванов и Ф. Достоевский (1996) // *Келдыш В. А.* О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 480–481; *Дудек, Анджей.* Герои Достоевского в интерпретации Вяч. Иванова и Д. С. Мережковского // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. М.: Водолей, 2013. С. 132; *Титаренко С. Д.* Мифокритика Вяч. Иванова как метаязык описания творчества Ф. М. Достоевского // Там же. С. 194–195 и др.

² Многие из нижеперечисленных подходов отмечены названными выше исследователями.

³ Подробнее об этом см.: *Богданова О. А.* Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М. М. Бахтин, Б. М. Энгельгардт, В. Л. Комарович, Ю. А. Никольский) // Новый филологический вестник. РГГУ, 2014. № 4 (31). С. 21–33.

⁴ Лекции прочитаны в Ленинградском университете в 1926–1927 гг. См.: ИРЛИ РАН. Р I. Оп. 12. Д.833. Л. 20–23.

⁵ См.: *Богданова О. А.* Указ. соч.

⁶ РНБ. Ф. 4. Д. 97.

⁷ Устное свидетельство в беседе с автором статьи в 1987 г.

⁸ *F.M. Dostojewski.* Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. München, 1928.

⁹ *Iwanow, Wjatscheslaw.* Dostoewskij: Tragödie — Mythos — Mystik. Übers. von Aleksandr Kresling. Tübingen, 1932.

¹⁰ См.: *Meier-Graefe Julius.* Dostojewskij, der Dichter <Достоевский, поэт (нем.)>. Berlin, 1926.

¹¹ Устное свидетельство К. В. Чистова, в 1930-е гг. часто встречавшего Комаровича в ЛГУ и Пушкинском Доме (Из беседы с автором статьи в 1987 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Борисова. Тридцать лет спустя.....	3
Л. И. Сараскина. История и география «Белых ночей»	16
С. С. Шаулов. Достоевский как прототип («Алексей Слободин» А. И. Пальма, «Самист» И. С. Тургенева, «Записки сумасшедшего» Л. Н. Толстого)	29
С. В. Белов. Числа у Достоевского.....	36
Т. Г. Магарил-Ильяева. Тема двойственности в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи»	40
Т. А. Касаткина. Pater Seraphicus и мужик Марей Достоевский: богословие в имени.....	48
А. В. Денисова. Украинский след в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского	56
О. А. Деханова. Раскольников: немного чая в холодной воде или опыты практической физиологии	64
М. Г. Шерварлы. Функция образа хозяйки в раннем творчестве Ф. М. Достоевского	73
А. Л. Гумерова, В. С. Сергеева. «Великий инквизитор» и роман Стругацких «Трудно быть богом»: возможность двойного восприятия художественного текста через призму ролевой игры.....	80
Д. Д. Шарпова. Вампиры Достоевского	86
О. А. Богданова. От Мережковского до Комаровича: динамика образа-мифа Достоевского в Серебряном веке	96
Г. Н. Крапивин. Но так ли уж он смешон? (роман «Идиот», штрихи к портрету главного героя).....	106
Т. Н. Никитин. М. Н. Катков как возможный прототип Ставрогина.....	119
Б. Н. Тихомиров. Два случая контаминации евангельских текстов в творческой работе Достоевского («Братья Карамазовы»).....	132
Н. Н. Богданов. Родословие Достоевских — несколько штрихов к истории изучения	144
С. В. Сызранов. Диалектический метод в поэтике: А. Ф. Лосев и Ф. М. Достоевский.....	151
О. И. Сыромятников. Русская идея в романе Ф. М. Достоевского «Игрок»	164
Д. Л. Башкиров. Символика «Луча света» и «Тёмного царства» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	179
Е. А. Федорова (Гаричева). Проблема другого в повести «Двойник» Ф. М. Достоевского (А. Ухтомский и М. Бахтин).....	190
С. С. Шаулов. Достоевский как прототип («Алексей Слободин» А. И. Пальма, «Самист» И. С. Тургенева, «Записки сумасшедшего»	

Л. Н. Толстого)	196
О. В. Золотко. Сон о золотом веке и образ Версилова в романе «Подросток» Ф. М. Достоевского	202
Т. Н. Флегентова. Ситуация сна Аркадия Долгорукова на границе двух реальностей.....	213
К. Н. Огева. И. Смоктуновский в поисках «Положительного прекрасного человека»: к проблеме «Литература и кино» в фильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля»	218
Т. С. Карпачева. Образ лорда Редстока в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом Петербургском свете»	227
Ю. В. Юхнович. Старая Русса в память о Достоевском: даты, события, юбилеи	238
Мартин Боровски. Творчество Ф. М. Достоевского и современный атеизм — морально-эстетический аспект	248
К. П. Смольняков. Ф. М. Достоевский, как журналист и писатель. О судьбах России	257
А. О. Шатохина. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Игрок» как способ репрезентации национальной картины русского мира: к вопросу о методологии исследования иноязычных переводов художественных произведений.....	272
И. С. Ефимов. О пушкинской традиции в «Хозяйке» Достоевского.....	283
С. А. Подсосонный. Достоевский, Хаксли: небытие — путь в ничто... 291	
О. А. Богданова. Из истории науки о Достоевском: Вяч. И. Иванов и В. Л. Комарович.....	305